

МОТИВ СМЕРТИ В РОМАНЕ АХМАДУ КУРУМЫ «АЛЛАХ НЕ ОБЯЗАН»

С. В. Дасько

Белорусский государственный университет, г. Минск;

sndhk88@gmail.com;

науч. рук. – Е. А. Борисеева, канд. фил. наук, доц.

Выбор ребенка в качестве нарратора в романе «Аллах не обязан» (*Allah n'est pas obligé*, 2000) позволяет А. Куруме (Ahmadou Kouyouma, 1927 – 2003) реализовать свою концепцию, отразить алогичность и абсурдность гражданских войн в Западной Африке. Лейтмотив смерти способствует развитию главной темы романа – детей на войне. Он раскрывается посредством отстраненного повествования Бирахимы и его саркастичных комментариев. Целью данного исследования является раскрытие способов реализации мотива смерти в нарративе романа. Актуальность работы определяется тем, что изучение поэтики с применением мотивного анализа способствует более точному определению авторской концепции, а также позволяет через представления ребенка о смерти исследовать проявление гибридной идентичности в постколониальном романе.

Ключевые слова: ребенок-нарратор; нарратив; непричастный нарратор; постколониальный дискурс; мотив смерти; мотив плача.

Роман «Аллах не обязан» (*Allah n'est pas obligé*, 2000) Ахмаду Курумы (Ahmadou Kouyouma, 1927 – 2003), писателя так называемого «второго поколения» франкоязычной постколониальной литературы, посвящен гражданским войнам в Либерии и Сьерра-Леоне. Роман является примером африканского постколониального романа, осмысляющего опыт бывших колоний французской метрополии. В основе романа – проблема детей на войне и кризис развития в странах Западной Африки.

Нарратив в романе строится благодаря персонажу-рассказчику Бирахиме – мальчику 12–14 лет, попавшему на войну и повествующему о своей жизни и параллельно о событиях на войне, истории Либерии и Сьерра-Леоне.

Исследовательница африканской литературы Лилиан Кестелут отметила, что А. Курума относится к так называемой литературе хаоса («*littérature du chaos*» [3]), где царит саркастическая интонация в силу невыносимости описываемых явлений. Так и в романе А. Курумы благодаря ребенку-нарратору удастся изобразить обескураживающую правду, абсурдность войны, а также представить проблему поиска собственной идентичности.

В романе «Аллах не обязан» у А. Курумы сильна связь с традицией, что выражается на разных уровнях текста: от описываемых обрядов и верований до стилистики и жанров. Элементы, свойственные африканской литературной традиции, соединяются с элементами пришедшей европейской культуры, что способствует возникновению абсолютно уникального текста, ставшего наглядным примером репрезентации гибридной идентичности в литературе.

В романе А. Курумы большую роль играет мотив смерти, что проявляется как на содержательном уровне текста (описания определенных

обрядов, внимание к психологическому состоянию героев), так и на формальном (элементы жанра плача, а если быть точнее – его имитация).

В силу того, что в Западной Африке, где многие страны погрязли в войнах, смерть становится чем-то повседневным, для населения она приобретает статус константы. Во многих африканских селениях закрепились определенная форма ритуальных обрядов, где значимую роль играет траур. Помимо траура как конструкта немаловажную роль играют погребальные песни, выражающие беспомощность человека перед лицом смерти, однако стоит отметить, что отношение к смерти у африканских народов двойное, что связано с верой в загробную жизнь: «Смерть для африканцев только разлука, но не исчезновение... Смерть рассматривается как изменение состояния...» [2, с. 115].

Впервые в романе мотивы смерти и оплакивания умершего встречаются в самом начале, где Бирахима рассказывает о своей маме, которая умерла от «язвы в ноге». Бирахима говорит о том, как начал «оплакивать маму», «раскаиваться» [1] («...pleurer ma mère... regretter» [4, p. 29]). Он оплакивает ее, так как чувствует вину за то, что верил, будто она была колдуньей. Бирахима говорит о том, что мысли о смерти мамы «сжигают его сердце» («ça brûle mon cœur» [3, p. 29–30]).

Далее мальчик рассказывает о том, как маму оплакивала вся деревня: «Tout le monde a beaucoup pleuré parce que maman avait trop souffert sur cette terre ici-bas» [4, p. 30] («Все в деревне очень горевали и плакали, потому что мама слишком много выстрадала в своей земной жизни» [1]). В этом отрывке проявляется синонимичность и монотонность свойственная жанру плача, ведь Бирахима снова продолжает повторять (только уже другими словами), что смерть мамы причиняет ему боль: «La mort de maman me fait mal, encore très mal» [4, p. 30] («Смерть мамы причиняет мне боль, жестокую боль, и это не проходит» [1]). Можно полагать, что через повторение примерно одинаковых по смыслу конструкций о вине и боли Бирахима пытается осмыслить этот опыт и, проговорив, избавиться от тяжелых переживаний, тем самым проработав травму утраты.

Уже здесь проявляются особенности мировоззрения людей той деревни, откуда Бирахима родом: жители исповедовали ислам, поэтому и смерть мамы Бирахимы как для жителей деревни, так и для самого Бирахимы – это переход в другой мир, где закончатся боль и страдания: «Tout le monde a dit que maman allait partir directement dans le bon paradis d'Allah là-haut parce qu'elle a connu sur terre ici-bas tous les malheurs et toutes les souffrances» [4, p. 30] («Все сказали, что мама отправилась прямо на небо, в светлый рай Аллаха, потому что все несчастья и все страдания она испытала здесь, на земле...» [1]).

Это способствует формированию религиозного мировоззрения Бирахимы, который позже будет говорить о смерти его товарища Кика как о том, что свершилось по воле Аллаха: «... parce que c'est comme ça Allah a voulu quele pauvre garçon termine sur terre» [4, p. 95] («...потому что Аллаху было угодно, чтобы бедный мальчик закончил свои дни» [1]). Мама в понимании Бирахимы умерла тоже потому, что «так было угодно Аллаху»

(«...pour la raison que Allah l'a voulu» [4, p. 29]). Такое отношение к смерти как к переходу в лучший мир в корне отличается от понимания смерти в укрепленном лагере полковника Папы Доброго, куда случайно попадает Бирахима.

Мифологическое сознание полковника особенно ярко проявляется в его речи во время погребального бдения по погибшему ребенку-солдату Киду: «Des jeunes gens sur la moto, pris par l'esprit du mal, ont tiré sur lui sans sommation. C'est le diable qui les avait pris» [4, p. 61–62] («В молодых людей на мотоцикле вселился злой дух, и они выстрелили в Кида без предупреждения. Это проделки дьявола» [1]).

Благодаря особой дерзости Бирахимы можно отметить, что в некоторой степени происходит деформация традиции (в данном случае – погребальной). Так, например, продолжая рассказывать о погребальном бдении в честь погибшего маленького солдата Кида, Бирахима описывает, как все жители деревни выходили из своих хижин, следовали за машиной, в которой перевозили мертвых, а потом добавил: «Par habitude et parce que les gens sont tous des couillons de suivistes» [4, p. 60] («Пошли по привычке и еще потому, что люди всегда такие придурки: любят увязаться хвостом» [1]). Далее он говорит о том, как все подхватывали за полковником его песню и кричали имя «Кид!», и снова добавляет: «Fallait entendre ça. On aurait dit une bande d'abrutis», [4, p. 60] («Надо было слышать, как они орали. Просто ополоумели» [1]). Бирахима словно чужда эта традиция, он далек от нее и лишь с недоумением наблюдает.

Но на этом отчуждение и остранение традиции не заканчивается. В рассказ о том, как все склонялись над телом Кида и выражали свою скорбь, Бирахима вторгается своим саркастичным замечанием: «La foule venait d'instant en instant et ça s'inclinait devant le corps et ça jouait à être triste comme si dans le Liberia-là on tuait pas tous les jours en pagaille des innocents et des enfants» [4, p. 60] («Толпа все приходила, и все склонялись перед телом и играли в грусть, словно у них в Либерии не убивали с утра до вечера ни в чем не повинных людей и детей» [Перевод наш. – С. Д.]

Видя отчужденность Бирахимы во время бдения по Киду и беря во внимание то, что сам Бирахима был из достаточно религиозной семьи, а в его родной деревне к смерти относились как к решению Аллаха и прекращению земных страданий, можно засвидетельствовать эти различия и увидеть контраст в отношении к смерти в родной среде Бирахимы и той, в которую он попал, так как в лагере Папы Доброго смерть – это проделки злых духов и самого дьявола. Можно предполагать, что для Бирахимы, выросшего внутри религиозной семьи, такой подход может казаться неясным, отчего вызывается отчуждение.

Бирахима продолжает испытывать это чувство и дальше, встречая непонятную ему реакцию Папы Доброго на смерть детей. Как и в случае со смертью Кида, так и в случае со смертью изнасилованной девочки Фати Бирахима удивляется тому, что полковник Папа Добрый плачет. Во второй раз он заявляет: «Mais il fallait voir un ouya-ouya comme le colonel Papa le bon

pleurer à chaudes larmes. Ça aussi c'était un spectacle qui valait le déplacement» [4, р. 79] («Такой уйя-уйя, как полковник Папа Добрый, – и плакал горькими слезами. На это стоило посмотреть, такое не каждый день увидишь» [1]).

В свою очередь, именно такая реакция полковника не сходится со сказанными ранее словами Бирахимы о том, что человеческая жизнь в Либерии значила меньше, чем «пук старой бабушки», то есть – ничего, а также с тем, что смерть в таких условиях становится обыденностью, которая, следовательно, не должна вызывать столько реакции. Это противоречие и подчеркивает в очередной раз нелогичность смерти и отсутствие ценности человеческой жизни на войне, а благодаря излишней реакции полковника – человека, который выступает как условный представитель войны – данный эффект только усиливается.

Именно благодаря саркастичным комментариям Бирахимы удастся увидеть расстояние между смертью реальной, смертью как утратой, и смертью, которую словно возносят в культ. Хотя сам Бирахима не может выразить свое отношение к чьей-либо смерти, для него она всегда трактуется объяснениями взрослых (будь то жители его деревни или полковник), читателю она предстает за счет этого яснее, что позволяет прочувствовать разницу между смертью человека, чья жизнь уже сама по себе ценна, и смертью человека на войне.

На фоне общей эволюции персонажа, его взросления на протяжении всего текста, видна и некоторая эволюция в его стиле. Он все еще сохраняет свою саркастичную интонацию, однако в дальнейшем она приобретает более отчетливый характер. В четвертой части романа почти дублируется история со слезами полковника, только на этот раз плачет другой военный, в чей лагерь попал Бирахима, – принц Джонсон (руководитель НПФЛ (Национальный Патриотический фронт Либерии)).

После очередной резни, устроенной в соседнем городе принцем Джонсоном из-за нехватки продовольствия, Бирахима рассказывает о том, как они сбрасывали всех погибших детей-солдат в братскую могилу и добавляет: «C'était marrant de voir un bandit de grand chemin, un criminel comme Johnson, pleurer à chaudes larmes...» [4, р. 145] («Было забавно видеть, как бандит с большой дороги, такой преступник, как Джонсон, плачет горькими слезами...» [Перевод наш. – С. Д.]). Здесь Бирахима уже менее иносказателен, он сам осознает, что Джонсон – преступник.

Далее следует сцена, где Джонсон в облачении священника молится за убитых детей, и тут злая ирония Бирахимы становится еще более явной: «Il a dit... que les enfants-soldats étaient les enfants du bon Dieu. Dieu les avait donnés, Dieu les a repris. Dieu n'est pas obligé d'être toujours juste. Merci bon Dieu. Cela valait une oraison funèbre, cela me dispensait de faire une oraison funèbre dont je n'ai pas envie. Oui, merci bon Dieu» [4, р. 145] («Он сказал, ... что дети-солдаты были детьми Господа Бога. Господь их дал, Господь их забрал. Господь не обязан быть всегда справедливым. Спасибо тебе, Господи. Это можно было счесть за надгробную речь, это избавляло меня от надобности произносить надгробную речь, чего я не хотел. Да, спасибо тебе, Господи» [Перевод наш. –

С. Д)).

Опять же на приеме контрастов (радость, что не придется произносить надгробную речь, а также «Спасибо тебе, Господи», словно ответ на то, что Господь «забрал» детей), удастся снова выявить абсурдность ситуации, чему способствует и повторное упоминание Бога в каждом последующем предложении.

Стоит отметить, что в данном отрывке фигурирует не Аллах, а Господь («bon Dieu») в силу того, что принц Джонсон был христианином, однако мотив Божьей воли сохраняется. Получается, что представители военных как среди мусульман, так и среди христиан используют свою религию для толкования смерти ни в чем неповинных детей одинаково – на то была воля Божия. Как следует из рассказа Бирахимы, на этом и держится их дозволенность вести детей на войну и убивать их.

Наравне с мотивом смерти в тексте часто возникает мотив плача: умирая, плачет мама Бирахимы, потом плачет по маме сам Бирахима, полковник плачет по умершим детям, Сорвиголова плачет по убитой им же самим Сапе, а девочка-солдат Фати плачет, когда узнает, что ей суждено умереть: «Fati a pleuré, pleuré à chaudes larmes, pleuré comme un gosse pourri... Malgré ses pleurs, Fati était foutue» [4, p. 93] («Фати плакала горячими слезами, плакала как сопливая девчонка...Но сколько бы Фати ни плакала, она все равно была обречена...» [1])

Следуя традиции комментирования самого повествования в романе, нарратор Бирахима сообщает о введении жанра плача через надгробную речь для маленького солдата Кика, подорвавшегося на мине: «Comme Kik devait mourir, était déjà mort, il fallait faire son oraison funèbre. Je veux bien la dire parce que Kik était un garçon sympa et que son parcours n'a pas été long» [4, p. 94] («Поскольку Кик должен был умереть, можно считать, уже умер, полагается произнести над ним надгробное слово. И я сделаю это, потому что Кик был славным парнишкой, а его жизненный путь оказался недолгим» [1]).

Традиционно, надгробное слово может выступать в роли непосредственно плача, а может быть торжественной речью о жизни покойника. В данном случае предстает именно второй вариант: благодаря надгробному слову нам открывается история Кика, объясняется, почему и как он стал маленьким солдатом и говорится о моменте его смерти. Это не является надгробным словом в его идеальном виде, и может создаться ощущение, будто Бирахима это делает потому, что «так полагается», он лишь усвоил традицию, но воспроизвести ее полностью ему трудно, поэтому он резко прерывает надгробное слово и возвращает нас в свой мир разговорных сниженных выражений: «Moi non plus, je ne suis obligé de parler, de raconter ma chienne de vie... J'en ai marre...» [4, p. 95] («Я тоже не обязан болтать с вами, рассказывать вам мою поганую жизнь...Обрыдло мне это...» [1]). Однако это может быть очередным проявлением его отношения к смерти и ее новым осмыслением как явления: теперь к смерти человека как личности, смерти человека на войне и смерти в обряде добавляется смерть «официальная», то есть зафиксированная на бумаге при помощи специальных слов и выражений.

Отличительной чертой надгробной речи Бирахимы является резкое изменение стилистики: используя до этого «разговорное» прошедшее время (*passé composé*), Бирахима переходит на прошедшее «литературное» время (*passé simple*).

В целом, грамматические времена сменяют друг друга на протяжении всего повествования. Вероятно, в надгробной речи замена времени весьма функциональна и *passé simple* используется лишь потому, что речь идет о событиях прошлых, в которых Бирахима не принимал никакого участия, однако это ставит перед нами новый вопрос: откуда мальчик 12-14 лет с неполным школьным образованием в бывшей колонии Франции, которая сейчас охвачена межплеменными войнами, знает литературное время, употребляемое писателями-классиками французской метрополии? Видимо, мы можем здесь говорить о периодическом «вторжении» автора в текст, что порождает новый вопрос о функции Бирахимы в произведении А. Курумы и о взаимоотношениях «автор – персонаж – нарратор».

Таким образом, мотив смерти в романе проявляется на всех уровнях текста. Смерть как концепт рассматривается здесь с разных сторон: в разрезе африканских и европейских традиций, смерть в реальной жизни и внутри нарратива, смерть в религиозном понимании и языческом. Это становится возможным только благодаря фигуре ребенка-нарратора, который, воплощая в себе образ непричастного и незаинтересованного свидетеля, позволяет раскрыть смерть как явление во всех ее аспектах.

Библиографические ссылки

1. Курума, А. Аллах не обязан [Электронный ресурс] / А. Курума // Иностранная литература – Журнальный зал. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/2002/8/allah-ne-obyazan.html>. – Дата доступа: 07.12.2021.
2. Шингаров, Г. Х. Онтология и эпистемология сверхъестественного в африканской мифологии: Монография / Г. Х. Шингаров, И. Г. Татаровская. – М. : Изд-во СГУ, 2016. – 253 с.
3. Kesteloot, L. La littérature négro-africaine face à l'histoire de l'Afrique [Ressource électronique] / L. Kesteloot // Cairn.info. – Mode d'accès: <https://www.cairn.info/revue-afrique-contemporaine-2012-1-page-43.htm?contenu=article>. – Date d'accès : 16.12.2022.
4. Kourouma, A. Allah n'est pas obligé / A. Kourouma. – Paris : Éditions du Seuil, 2000. – 240 p.